

В 2015 г. в издательстве «Алгоритм» увидела свет новая книга Василия Юрьевича Галина «Капитал Российской империи. Практика политической экономики»*, жанр которой определен как «общественно-популярное издание», хотя работа представляет собой фундаментальное научное исследование. Не случайно, в аннотации к книге автор пишет:

«Развитие стран и народов подчиняется жестким и объективным, не знающим жалости и сострадания законам. Это естественные законы, они заданы природой и неуклонно проявляются во всех областях жизни человека и общества. Можно ли противостоять им или, наоборот, использовать их, но какой ценой и насколько? История становления капитализма в Российской империи в данном случае может послужить весьма наглядным и поучительным примером. Этот пример тем более показателен, поскольку Россия остается непонятой не только иностранцами, но, и что парадоксально, самими русскими. О России написано огромное множество книг и научных трудов, но среди них крайне редко можно встретить те, в которых Россия рассматривается с системной, естественнонаучной точки зрения. Но именно этот подход только и может дать объективный взгляд на судьбы истории и общества».

УДК 330.341:32(09)

ББК 65.03(2)6

DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(3\).597-612](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(3).597-612)

В. Ю. Галин

ПОЧЕМУ СОВЕТСКАЯ РОССИЯ НЕ ИМПЕРАТОРСКАЯ ЯПОНИЯ? (Критический разбор «урока либерализма»)

Аннотация. Статья призвана дать некоторое представление об идеях автора, о его подходах и мето-

* Галин В. Капитал Российской империи. Практика политической экономики / В. Галин. — М. : ООО «Издательство Алгоритм», 2015. — 352 с.

дах, использованных при написании книги «Капитал Российской империи». Она построена на последней главе книги, которая называется «Урок либерализма» и посвящена дискуссии с авторами исследования «Был ли нужен Сталин для экономического развития России?», проведенного в 2013 г. группой американских экономистов с участием С. М. Гуриева — одного из наиболее видных представителей либеральной экономической мысли России (тогда еще ректора Российской экономической школы, а ныне — эмигранта и главного экономиста ЕБРР).

Ключевые слова. Догоняющее развитие, индустриализация, сравнительный анализ, экономическая история.

V. Yu. Galin

WHY SOVIET RUSSIA IS NOT IMPERIAL JAPAN? (A critical analysis of the «lesson of liberalism»)

Abstract. The article is intended to give an idea of author's thoughts, his approaches and methods used while writing the book «Capital of the Russian Empire». It is based on the last chapter of the book «The Lesson of Liberalism» and devoted to a discussion with the authors of the study «Was Stalin needed for the economic development of Russia?» held in 2013 by a group of U.S. economists with the participation of S.M. Guriev — one of the most prominent representatives of liberal economic thought in Russia (at that time taking the position of Rector in Russian Economic School, and now being an emigrant and Chief Economist in the European Bank for Reconstruction and Development).

Keywords. Catch-up development, comparative analysis, economic history, industrialization.

В исследовании «Был ли нужен Сталин для экономического развития России?» [16] моделируются сценарии альтернативной истории, авторы сравнивают период советской индустриализации с предвоенным

периодом развития царской России и императорской Японии в 1930-е гг. В результате сравнительного анализа, подводили итог авторы этой работы, «мы не нашли никаких доказательств того, что сталинская экономика опережает альтернативные сценарии с экономикой Японии. До Первой мировой войны японская экономика находилась примерно на том же уровне и развивалась примерно теми же темпами, что и российская. В отличие от Советского Союза, Японии, *впрочем, удалось провести индустриализацию без репрессий и без разрушения сельского хозяйства – и добиться при этом более высокого уровня производительности и благосостояния граждан*» (курсив переводчика. – В. Г.) [4].

Для того чтобы понять, насколько правы либеральные экономисты, для начала стоит привести краткое сравнение условий, в которых находились Япония и Россия.

Главным и основным недостатком Японии, по сравнению с Россией, является почти полное отсутствие полезных ископаемых, но преимущества Японии с лихвой компенсировали этот недостаток (табл.).

Сравнительные характеристики России и Японии

Страна	Преобладающая климатическая зона, по Коппену	Доля занятых в 1913 г. в сельском хозяйстве, %	Плотность населения в 1913 г., чел./км ²	Всеобщее обязательное бесплатное начальное образование
Европейская Россия	Dfb-Dfc	85	26	с 1920 г.*
Япония	Cfa-Dfa	55	153	с 1872 г.

* В 1920 г. в РСФСР была создана ВЧК по ликвидации неграмотности, законы о всеобщем бесплатном начальном образовании: в 1924 г. – в УССР, 1926 г. – в БССР и т. д.

Япония по своим параметрам – это практически аналог Германии в Азии. Основная ее часть лежит в зоне «индустриального климатического пояса» в районе 0° изотермы января. Согласно классификации

В. Коппена, большая часть Японии без Хоккайдо находится в климатической зоне Cfa, соответствующей самым лучшим областям Центральной Европы и США; только Север острова Хонсю находится в зоне Dfa, для России это Крым, и Предкавказье. Почти 90 % Европейской России находится в зоне Dfb и Dfc.

В Японии в зоне Dfb лежит остров Хоккайдо. Что он из себя представлял? Вот, как описывал этот остров в 1933 г. немецкий дипломат Г. фон Дирксен: «На Хоккайдо климат континентальный, с долгими и холодными зимами и огромными массами выпавшего снега... холодный климат обеспечивал непреодолимое препятствие для любых японских планов населить эту страну людьми 13 перенаселенных южных провинций. Так что Хоккайдо оставался колониальным по своей природе и, несмотря на свои размеры — а он равен по площади Баварии и Вюртембергу вместе взятым, — имел всего три миллиона населения. Эти три миллиона влачили довольно нищенское существование, живя в деревянных домах с тонкими стенами, которые они были не в состоянии заменить на каменные. Они обменивали картофель, который выращивали, на рис, несмотря на убытки от подобных сделок» [6, с. 23].

Индустриализация в Японии началась почти одновременно с Россией, в эпоху Мэйдзи, с 1869 г. О ее успехах может свидетельствовать изменение доли земельного налога в общих налоговых поступлениях. Как видно из графика (рис. 1), Япония с 1880 по 1910 г. быстро теряла свой сельскохозяйственный статус. Основой экономического роста японской экономики стал экспорт продукции текстильной промышленности — собственного шелка и передела из импортируемых хлопка и шерсти. Основным потребителем японской продукции являлись Соединенные Штаты. За 30 лет с 1877 по 1907 г. объем внешней торговли Японии вырос почти в 20 раз (с 50 млн до 927 млн йен).

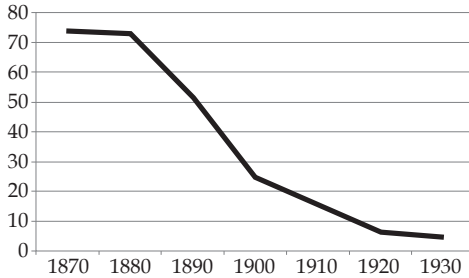


Рис. 1. Доля земельного налога
в общих налоговых поступлениях Японии, %

Одновременно Япония развивала свою колониальную экспансию, главными направлениями которой были Корея и Китай. Уже в 1874 г. Япония заставляет Китай уступить островах Риу-Киу, в 1895 г. завоевывает Формозу и Пескадорские острова. На территорию материкового Китая Япония входит в «концерт» иностранных держав при подавлении боксерского восстания в 1900 г. После русско-японской войны 1904–1905 гг. Япония расширяет свое присутствие в Китае. В 1910 г. Япония захватывает Корею.

«В 1911 г. в Китае произошла революция, свергнувшая императорскую власть и... не приведшая к установлению прочной и единой государственной власти, — описывал события Н. Головин. — Гражданская война со всеми ее последствиями приводит Китай к полному бессилию. Япония широко этим пользуется. Подкупая выдвигающихся к власти авантюристов, она добивается экономических уступок и влияния в политической и административной области. За бесценнок, в виде залогов под даваемые ее банками займы, она приобретает монопольные права на железные дороги и на другого рода концессии... В своей книге “Russia as an American Problem” Дж. Спарго пишет: “Япония захватывает экономически Китай и подготавливает будущему полную опеку и контроль над китайским национальным хозяйством”» (здесь и далее по тексту курсив наш. — В. Г.) [3, с. 182].

«Большое количество предметов японской промышленности проходит, минуя китайские таможи». Япония организует контрабандную доставку опиума, продолжал Н. Головин, предоставляет «займы и вооружения различным китайским генералам, выросшим, как грибы на нездоровой почве затянувшейся внутренней смуты, Япония не дает возможности установить единое прочное китайское правительство. Она раздувает вражду, возникшую с начала революции между Югом и Севером Китая» [3, с. 183].

Первая мировая война стала для Японии манной небесной. Общий объем ее внешней торговли более чем удвоился по сравнению с 1914 г. и достиг в 1919 г. 4,3 млрд йен. ВВП Японии вырос в 5 раз с 13 до 65 млрд йен (металлургия – в 2 раза, машиностроение – в 7 раз). Золотая наличность казначейства с 1914 по 1918 гг. выросла более чем в 5 раз с 300 млн до 1 600 млн йен. Капитал, вложенный в развитие промышленности за 1914-1918 гг. достиг 3 млрд йен. Годовые дивиденды в промышленности и на транспорте достигают 60 %. Японские миллионеры раньше считались единицами, к концу войны их количество подходит к десятку тысяч [3, с. 159]. Однако, как отмечал Н. Головин, «богатеют казна и капиталисты..., народные массы не только не разбогатели, но обеднели». Прилив золота в страну удорожил стоимость жизни, цены на предметы первой необходимости выросли на 250–300 %, месячная стоимость жизни с 1914 по 1920 гг. выросла более чем в 3 раза. «Между тем зарплата выросла незначительно» [3, с. 160–161]. Надо ли напоминать читателю, что для России Первая мировая война имела совсем иные, гораздо более тяжелые последствия? А ведь потом была еще опустошительная Гражданская война, отягощенная интервенцией, в которой участвовала и Япония.

Но мировая война закончилась, и Соединенные Штаты вернулись в Азию, вытесняя Японию с китай-

ского рынка: ее доля в импорте Китая с 1918 по 1920 г. сократилась почти в 2 раза: с 52 до 30 %. Одновременно Европа и США вводят протекционистские таможенные пошлины *против дешевых и некачественных «едва терпимого уровня» японских товаров* [3, с. 161]. Резкое сокращение экспорта и послевоенный кризис 1921 г., привели к тому, что «число потребных для промышленности рабочих сократилось с 1919 по 1921 г. на 40 %». Резко повысилось напряжение в обществе, начались рабочие беспорядки «чего ранее Япония не знала» [3, с. 160–161]. В 1920-х гг. был ужесточен «Закон об опасных мыслях» усилением меры наказания с 10 лет заключения до смертной казни. Можно ли в таком случае утверждать, что Япония смогла провести индустриализацию без репрессий?

Экономический бум 1920-х гг. в США несколько оживил и экономику Японии. Но это оживление закончилось с началом в Америке Великой депрессии: экспорт из Японии упал в 3 раза: с 3,7 млрд иен в 1929 г. до — 1,2 млрд в 1932 г. Япония, как и европейские страны, попыталась поддержать его за счет ослабления национальной валюты, на фоне сохранения золотого стандарта. За счет этого Япония достигла некоторых успехов на рынках Китая, Индии и Австралии. Однако ослабление валюты вызвало резкий рост инфляции в стране, цены выросли почти в 2 раза, что на фоне полного отсутствия трудового законодательства, стало причиной активизации левых и ультра-правых движений.

После Первой мировой все страны быстро восстановили свои довоенные протекционистские барьеры: например, США в 1922 г. принимают закон Форд-ни-Маккумбера, по которому доля облагаемого пошлинами импорта выросла в 7 раз (с 6 до 42 %) [7, с. 334]. Эта мера привела почти к двукратному падению японского экспорта в Америку. И уже в 1925 г. английский журналист Г. Байуотер напишет фантастическую по-

весть «Великая Тихоокеанская война: История японо-американской кампании 1931–1933 гг.». Причиной войны, по его мнению, должны стать экономические противоречия между державами, а непосредственным толчком к боевым действиям: *«нарастающее недовольство народных масс, из-за чего Япония вынуждена объявить войну Америке, чтобы направить это недовольство на внешнего врага»* [1, с. 238].

Но главный удар мировой торговле был нанесен после начала Великой депрессии, когда в 1930 г. США ввели новый протекционистский тариф Смута-Хоули, который поднял таможенные пошлины еще почти в полтора раза (таможенные сборы в % от объема облагаемого пошлинами импорта выросли с 40 до 65 %) [7, с. 334]. Большинство стран ввело ответные меры, и мировой экспорт рухнул, сократившись почти в 3 раза с 33 млрд дол. в 1929 г. до 11,3 млрд в 1934 г.¹ *Милитаризация Японии начнется с 1931 г.*

В 1930–1932 гг. «молодые офицеры» совершили несколько путчей и политических убийств. Под их давлением был создан надпартийный кабинет. Одновременно произошло усиление милитаристских настроений, что выразилось в частности в захвате Маньчжурии в 1931 г. и в начавшейся милитаризации японской экономики.

Именно милитаризация экономики стала основным двигателем индустриализации Японии в этот период: с начала по конец 1930-х гг. ее военные расходы выросли почти в 17 раз (рис. 2), в то время как бюджет — в 8 раз.

Милитаризацией Японии двигали те же самые мотивы, что и Германии на другом краю света. Гитлер начал программу перевооружения с апреля 1934 г. По

¹ Правда, «Закон о взаимных торговых соглашениях» 1934 г. снизил таможенные пошлины до прежнего уровня (1930 г.), но мировая торговля фактически не отреагировала на этот шаг. Тариф 1934 г. действовал вплоть до 1947 г. когда 23 страны включая США, подписали Генеральное соглашение о тарифах и торговле.

мнению Г. Геринга, только она могла спасти Германию: по его словам, *нужно было финансировать, прежде всего, предприятия производящие военную продукцию, поскольку «это поможет скорее ликвидировать безработицу»* [2, с. 233]. В. Шубарт писал в те годы: *«Вооружаются, чтобы избавиться от безработицы. Нужно и дальше вооружаться, чтобы избавиться от безработицы. Благодаря этому экономика становится «здоровой». Однако не следует путать лихорадочный румянец чахоточного больного, обреченного на смерть, с розовощекостью здорового юноши. Прометеевская Европа стоит перед дилеммой: или вооружаться до зубов, что ведет к войне, или разоружаться, что ведет к массовому увольнению рабочих — и к большевизму. То есть у Европы есть выбор только между разными формами своего крушения. Она решилась на вооружение и войну; она пытается сохранить себе жизнь тем, что готовит почву для своего окончательного самоуничтожения. Правда, этим она отодвигает развязку, но тем страшнее это произойдет. Европа напоминает того должника, который, чтобы выйти из затруднений данного момента, берет у ростовщика деньги под такие проценты, которые разорят его уже окончательно и бесповоротно»* [14, с.374]. Американский посол в Германии У. Додд, непосредственно наблюдавший за ходом событий в 1936 г., тоже отмечал, что *«сокращение безработицы произошло почти исключительно за счет гонки вооружений»* [5, с. 322].

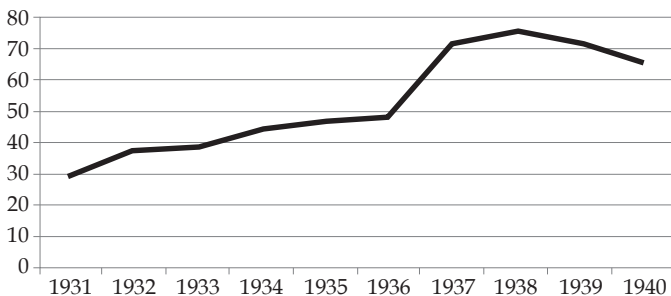


Рис. 2. Военные расходы Японии, % от бюджета [12]

Аналогичная ситуация складывалась и в Японии, говоря о *перенаселении* которой Н. Головин еще в 1924 г. уподоблял ее «котлу, в котором возрастает внутреннее давление и в котором неминуемо произойдет взрыв...» [3, с. 281]. Н. Головин отмечал и особенности политической системы и черт характера японского народа, и то, что они сильно напоминают германские. К аналогичным выводам приходил немецкий дипломат Г. Дирксен, который находил общность черт, прежде всего, в их общей зависимости от внешней торговли: для Японии «...любой сбой в регулярном потоке импорта — экспорта неизменно угрожал самому существованию государства. Сходные причины привели и германский рейх на путь индустриализации и роста экспорта... Пока в мировой экономике господствовали свободная торговля и безудержная конкуренция, у новичков был шанс заработать себе на жизнь. Но как только для защиты внутренних рынков были воздвигнуты таможенные барьеры, трудности неизмеримо возросли. В результате ограничений на мировых рынках эти нации почувствовали неудержимое стремление создавать собственные экономические сферы влияния, в пределах которых они могли бы без помех покупать сырье и продавать конечную продукцию» [6, с. 205–206].

Помимо внешних условий Г. Дирксен отмечал наличие и «в характерах обоих народов многих сходных черт. Так, в фундаментальных проблемах отношений личности и государства и немцы, и японцы по разным причинам, но пришли к одному и тому же выводу. Согласно их философии, государство должно быть институтом высшим и первичным, которому подчинены все личные интересы и желания индивидуума. Лишь работая на благо общества и граждан, объединенных в государство, индивидуум может выполнить высочайшую обязанность, возложенную на него богом, а именно: способствовать дальнейшему повышению благосостояния соотечественников. Этот спартанский образ

мыслей был принят как в Пруссии, так и в Японии, и привел к возникновению авторитарного государства с очень эффективной исполнительной властью... Когда эти две страны почувствовали, что самому их существованию угрожают растущие барьеры, воздвигнутые, чтобы воспрепятствовать экономической экспансии или эмиграции излишнего населения, тогда и возникла опасная философия "жизненного пространства", которая, будучи насильственно применена на практике, и привела к всемирной катастрофе. Склонность к применению силы также была характерной чертой, общей для обоих народов. Они оба дисциплинированы; сознательное повиновение сильному и эффективному руководству — одно из их выдающихся качеств» [6, с. 205–206].

Правда Япония находилась в значительно лучших условиях, чем Германия: она не была разорена Первой мировой, не платила репараций, не брала кабальных кредитов. Наоборот она озолотилась на Первой мировой. Но и у Японии средства скоро закончились и с 1936 г. милитаризация экономики покрывалась только за счет денежной эмиссии: всего за 1936–1941 гг. было напечатано 21,2 млрд иен, при величине бюджета в 1936/1937 г. — всего в 1,7 млрд йен. Как подсчитал В. Толстой, за 5 лет 1936–1941 гг., сумма необеспеченных денег, вброшенных в японскую экономику, равнялась условно нормальному доходу за 12,5 лет [12]. Средний дефицит японского бюджета в 1937–1941 гг. составлял 150 % (рис. 3).

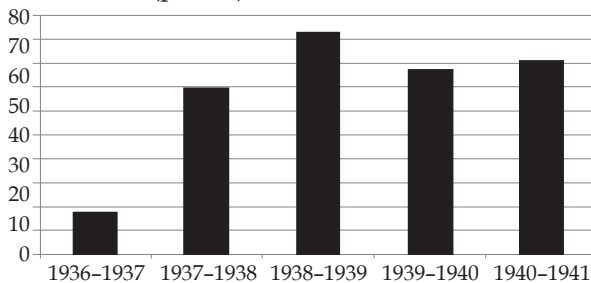


Рис. 3. Дефицит бюджета Японии, % [12]

И здесь Япония шла в ногу с Германией, где «с самого начала военные усилия, предпринятые нацистским режимом, — утверждал крупнейший стальной магнат Ф. Тиссен, — казались абсолютно несоразмерными с ресурсами страны. Даже на ранних стадиях я предчувствовал, что это неизбежно приведет к катастрофе» [11, с. 17]. В 1936 г. американский посол в Германии У. Додд приходил к выводу, что «результатом безудержной гонки вооружений в условиях громадной задолженности и значительной безработицы в течение года или двух может быть только война» [5, с. 376–377]. У. Черчилль забил тревогу в том же 1936 г.: «На первом месте стоит проблема ускоренного и широкомасштабного перевооружения Германии, которое не прекращается ни днем, ни ночью и последовательно превращает почти семьдесят миллионов представителей самого производительного народа в Европе в одну гигантскую голодную военную машину». [13, с. 511] 13 декабря 1938 г. Й. Геббельс записывал в дневник: «финансовое положение рейха... катастрофическое. Мы должны искать новые пути. Дальше так не пойдет...» (цит. по: [15, с. 322]). В апреле 1939 г. Ф. Рузвельт заявил, что «для немцев отсрочка большой войны немыслима экономически» [10, с. 717]. Историк Э. Нольте лишь констатировал закономерную данность: «Гитлер в 1939 г. был вынужден вести войну, и притом войну завоевательную, с целью захвата добычи» [9, с. 379].

К концу 1930-х гг. Япония была таким же банкротом, как и Германия, и война для нее становилась единственным средством избежать экономического и политического краха. Япония начнет войну с Китаем в 1937 г., сделает ряд попыток «проверить» СССР (на Хасане, на Халхин-Голе), но это будет лишь прологом — так же, как для Германии прологом Второй мировой стало присоединение Судет и аншлюс Австрии. О той войне, к которой готовилась Япония, еще в 1924 г. предупредят генерал Н. Головин и адмирал А. Буб-

нов: согласно их расчетам, война Японии против США неизбежна, а объектом первой атаки будет «Pearl Harbour» [3, с. 192, 201].

Таким образом, мы видим, что процессы индустриализации СССР и Японии в 1930-е гг. носили полностью противоположный характер. В Советском Союзе проводилась социально-экономическая индустриализация, где военные расходы были лишь издержками, вызванными ростом внешней угрозы. В Японии же индустриализация целиком и полностью носила милитаристский характер, ее целью была только и исключительно война, причем война завоевательная. Данное различие наглядно видно из источников финансирования индустриализации: в СССР оно осуществлялось главным образом из текущих доходов; в Японии — из будущих (военных) доходов, отнесенных в настоящее за счет государственных кредитов в размерах, превышающих возможность их погашения обычными средствами.

И именно эту японскую милитаристскую индустриализацию 1930-х гг., этот «*лихорадочный румянец чахоточного больного, обреченного на смерть*», С. Гуриев и его соавторы подают в виде примера индустриализации «без репрессий и без разрушения сельского хозяйства» с более высоким уровнем «производительности и благосостояния граждан» [16, р. 43].

Обозначая Японию как пример более удачного развития, С. Гуриев и его американские соавторы, очевидно, вовсе не имели в виду указать на преимущества милитаристского характера индустриализации этой страны. Однако из приведенных фактов следует, что их выводы, построенные на абстрактных экономических моделях, не имеют ничего общего с реальностью. В общем-то это беда многих кабинетных (не только либеральных) ученых, склонных к доктринерству и к акцентированию исследования только на форме институтов, т.е. на идее, при полном игнорировании

материальных обстоятельств. Такой подход выдает явную попытку не столько научного, сколько *идеологического* «осмысления» истории. Вал подобных попыток последних лет, основанный на крайней односторонности суждений и на полуправде, превратил их в часть новой массовой идеологической пропаганды, которая во многом лежит за гранью науки.

По мнению С. Нефедова, подобные попытки являются частью процесса, начавшегося еще в 1970-х гг., когда один из апостолов «холодной войны», Дж. Кенан, в 1967 г. призвал западных историков показать позитивные черты и достижения царского самодержавия [8, с. 26], чтобы на их фоне более критично оценивать советское развитие. Появившиеся затем работы П. Грегори, П. Гатрелла, Дж. Симмса, С. Хока делали акцент на этих достижениях: их авторы старались доказать, что российская аграрная экономика до революции 1917 г. находилась на пути поступательного развития [8].

Действительно, многие даже серьезные научные труды прошедшего века зачастую страдали явной односторонностью выводов, и тем самым объективно внесли свой разрушительный вклад в события последних десятилетий... Однако «конца истории» так и не наступило, поэтому работа многочисленных (как отечественных, так и зарубежных) последователей заветов Дж. Кенана остается востребованной до сих пор.

Список использованной литературы

1. Буранок С. О. Перл-Харбор в оценке военно-политических деятелей США (1941–1945). / С. О. Буранок. — Самара : АсГард, 2009. — 237 с.
2. Гереке Г. Я был королевско-прусским советником. Мемуары полит. деятеля / Г. Гереке ; пер. с нем. — М. : Прогресс, 1977. — 367 с.
3. Головин Н. Тихоокеанская проблема в XX столетии / Н. Головин, А. Бубнов // Неуслышанные пророки грядущих войн / предисл. и сост. : И. Образцов. — М. : АСТ, Астрель, 2004. — 368 с.

4. Голосов М. Был ли нужен Сталин для экономического развития России? [Электронный ресурс] / М. Голосов, С. Гურიев, О. Цывинский, А. Черемухин ; сокр. пер. с англ. // Slon Magazine : онлайн-журнал об экономике и политике. — URL : https://slon.ru/economics/byl_li_nuzhen_stalin_dlya_ekonomicheskogo_razvitiya_rossii-1006101.xhtml.

5. Додд У. Дневник посла Додда / У. Додд ; [пер. с англ. В. Мачавариани и В. Хинкиса]. — М. : Грифон, 2005. — 478, [1] с.

6. Дирксен Г. фон Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет герм. внеш. политики / Г. фон Дирксен ; пер. с англ. Н. Ю. Лихачевой. — М. : ОЛМА-Пресс, 2001. — 444, [1] с.

7. Макконнелл К. Р. Экономикс : принципы, пробл. и политика : [в 2 т.] / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю ; [пер. с англ.]. — М. : Республика, 1995. — [Т.] 2. — 400 с.

8. Нефедов С. Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции / С. Нефедов // Общественные науки и современность. — 2010. — № 5. — С. 126–137.

9. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945) : национал-социализм и большевизм / Э. Нольте ; [пер. с нем. : А. Антоновский и др. ; науч. ред. и послесл. С. Земляного]. — М. : Логос, 2003. — 527 с.

10. Советско-американские отношения. 1934–1939 / сост. : Б. И. Жилиев (отв. сост.) и др. ; науч. ред. Г. Н. Севостьянов. — М. : Международный фонд «Демократия», 2003. — 797, [1] с.

11. Тиссен Ф. Я заплатил Гитлеру : исповедь немецкого магната / Ф. Тиссен ; [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. — М. : Центрполиграф, 2008. — 254, [1] с.

12. Толстой В. И. Анализ экономических потенциалов основных противников в Тихоокеанском конфликте — США и Японии — накануне Второй Мировой войны [Электронный ресурс] / В. И. Толстой // Lib.ru : Журнал «Самиздат». — URL : http://samlib.ru/t/tolstoj_w_i/ekonomicheskiepotensial_isshaiyponiinakanunevmv.shtml.

13. Черчилль У. Мировой кризис ; Автобиография ; Речи / У Черчилль ; [пер. с англ. В. Чухно, А. Боченкова]. — М. : Эксмо, 2003. — 765, [3] с.

14. Шубарт В. Европа и душа Востока / В. Шубарт ; [пер. с нем., коммент. М. В. Назарова, З. Г. Антипенко]. — М. : Эксмо Алгоритм, 2003. — 478, [1] с.

15. Шубин А. В. Мир на краю бездны : от глоб. кризиса к мировой войне. 1929–1941 г. / А. В. Шубин. — М. : Вече, 2004. — 572, [1] с.

16. Cheremukhin A. Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? [Electronic resource] / A. Cheremukhin, M. Golosov, S. Guriev, A. Tsyvinski // NBER Working Paper No. 19425. – Cambridge, MA : 2013. – 62 p. – Access mode : <http://www.nber.org/papers/w19425>.

Информация об авторе

Галин Василий Юрьевич — кандидат экономических наук, независимый исследователь, г. Москва, e-mail: vsgalin@mail.ru.

Author

Galın Vasilyi Yur'evich — Ph.D. in Economics, Independent Researcher, Moscow, Russian Federation, e-mail: vsgalin@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Галин В. Ю. Почему советская Россия не императорская Япония? (Критический разбор «урока либерализма») / В. Ю. Галин // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 3. — С. 597–612. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(3).597-612.

Reference to article

Galın V. Yu. Why soviet Russia is not imperial Japan? (A critical analysis of the «lesson of liberalism»). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 597–612. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(3).597-612. (In Russian).